

УДК 39

EDN EWEMSN

Научная статья

<http://centrniign.ru>

ISSN 2307-5775 (Print)

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ МОРДВЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ XIX – XXI ВВ.

И. В. Зубов¹ ✉, И. Н. Кудашкина^{1, 2}

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

² Мордовский республиканский объединенный краеведческий
музей им. И. Д. Воронина,
г. Саранск, Россия
✉ komoro@rambler.ru

Аннотация

В статье освещена эволюция осмысления кодификационно-знаковой системы мордвы в работах отечественных и зарубежных ученых. Рассмотрены основные подходы к расшифровке и интерпретации графических знаков и идеограмм — тешксов, зафиксированных в архивных документах, распространенных в декоративно-прикладном искусстве, встречающихся на ритуальных памятниках, отдельных бытовых предметах, принадлежавших мордовской семье, использовавшихся в имущественных отношениях. Материалом исследования послужили опубликованные работы историков, культурологов, филологов и этнографов, а также полевые экспедиционные записи. Сделан вывод о влиянии мифологического мировоззрения на функции отдельных видов знаков. Определены пробелы в изучении знака и знаковой системы как источника информации о традиционной культуре и быте мордвы.

Ключевые слова: символ, знак, семейно-родовые знаки, знаки собственности, система, декоративно-прикладное искусство, мордва

Финансирование: статья подготовлена при поддержке гранта ПФКИ-24-1-009406 «Иероглифы мордвы. Символы древней письменности в орнаментах и родовых знаках, языковые особенности формирования образов в литературном слове и устно-поэтическом наследии».

Для цитирования: Зубов И. В., Кудашкина И. Н. К вопросу формирования семантического поля знаковой системы мордвы в исследованиях XIX — XXI вв. // Центр и периферия. 2024. Т. 19, № 2. С. 43 — 52. EDN EWEMSN

© Зубов И. В., Кудашкина И. Н., 2024

Формирование знаковой системы мордвы, ее целостное восприятие — это многоэтапный сложный процесс, сопровождавший в течение многих веков развитие не только искусства и ремесел, но и самосознания, национальной идентичности и языка народа.

Наиболее архаичный пласт представлений о тех или иных символах в этническом сознании просматривается в мифологическом нарративе той или иной сферы деятельности человека. Так, судя по материалам могильников, в металлообработке и керамике применялись простые знаки — символы, несшие в себе апотропейные свойства. Распространенными являлись крестовидные знаки на металлических украшениях и глиняных горшках. Существует мнение, что эти крестовидные знаки, которые воплощали в языческой религии очистительную силу, ограждали человека от бед и болезней¹. Крестом как символом защиты от всего плохого защищали и до сих пор защищают пространство дома, особенно его пограничные места: окна, двери. Некогда существовавший обряд опахивания

*Крест на двери дома с. Поводимова Дубенского района Республики Мордовия. Фото И. В. Зубова. 2019 г.
A cross on the door of the house in the village of Povodimovo, the Dubensky District of the Republic of Mordovia. Photo by I. V. Zubov. 2019*

села, совершаемый мордвой в случае опасности возникновения эпидемии, сопровождался схематическим нанесением креста в месте соединения «защитного круга», создаваемого по внешней границе населенного пункта. Широко представлен орнамент в виде креста и в вышивке мордовской одежды. В обрядовой практике нанесение креста во время заговоров от болезни считалось способом предотвратить ее распространение или избавиться от нежелательных проявлений. Такие параллели, просматривающиеся даже при поверхностном обращении к смысловой наполненности зна-

Крест в фрагменте вышивки оплечья и груди женской распахнутой праздничной ружи мордвы-эрзы с. Шугурова Ардатовского уезда Симбирской губернии (ныне Большеберезниковского района Республики Мордовия). Начало XX в. МРОКМ им. И. Д. Воронина

A cross in a fragment of embroidery on the shoulder and chest of a women's swing festive rutsya of the Mordovins-Erzya of the village of Shugurovo, the Ardatovsky District of the Simbirsk Governorate (now the Bolshebereznikovsky District of the Republic of Mordovia). The early XX century. Mordovian Republican United Museum of Local Lore named after I. D. Voronin

Крест в фрагменте вышивки оплечья и груди распахнутой женской одежды ружья. Начало XX в. Дубенский район Республики Мордовия. МРМИИ им. С. Д. Эрзы

A cross in a fragment of embroidery of the shoulder and chest of the swing women's garment rutsya. The early XX century. The Dubensky District of the Republic of Mordovia. Mordovian Republican Museum of Fine Arts named after S. D. Erzia

¹ Кемаев Е. Н., Пронин А. С. Крест // Мордовская мифология: энцикл. Саранск, 2020. С. 457.

ков-символов, безусловно, свидетельствуют об их былом широком распространении и возможностях проекции в разные сферы жизнедеятельности человека.

На некие знаки, имевшиеся у мордвы еще в XVII в., указывал Н. К. Витсен при описании похоронного обряда: «При погребении ставят знак, показывающий профессию умершего» [10, с. 614]. Не безынтересны также первые сведения о традиционной одежде мокши и эрзи, появившиеся в работе П. С. Палласа [12]. Представив частичное описание и выстроив этнографические параллели элементов собранных им коллекций одежды мордвы с другими народами Поволжья, в том числе с русскими, он впервые отметил немаловажную деталь свадебного обряда: «У невесты бывает лицо закрыто фатою или вышитым полотенцем» [12, с. 111 — 112]. Сакральный смысл вышивки покрывала, носимого невестой во время перехода в дом жениха, раскрывается при знакомстве с наносимыми на него подружками невесты специальными узорами — *кучка* (м.), *тешкс* (э) в виде стилизованной звездочки. В дальнейшем костюмные комплексы П. С. Палласа, вошедшие в фонд коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (РАН), позволили приблизиться к анализу узоров вышивки и ее семантики. Так, Т. А. Крюкова смогла выявить в них некоторые зооморфные и растительные элементы, в частности «...элементы стилизованного животного орнамента, что является достаточно редким для орнаментики мордовской одежды. Это — мотив так называемых предстоящих у древа, представляющий собой повторяющиеся и расположенные по обеим сторонам дерева фигуры каких-то стилизованных животных или птиц» [4, с. 144].

Несмотря на ранние предпосылки обращения к проблеме семантики знаков и их функций в жизни мордвы, первые серьезные работы, в которых затрагивалась проблема их расшифровки, появились лишь к концу XIX — началу XX в. Одной из них стала книга «Очерк юридического быта мордвы» (1885) В. Н. Майнова. В ней автор впервые указал на практику употребления «тэшкс-сьорма» (э), «тэштс-сьорма» (м.), «тавро». Согласно его наблюдениям, они сочетали в себе функции семейно-родового знака, а также знака собственности, который мог ставиться «...на всех решительно предметах, когда желают обозначить, кому именно они принадлежат» [8, с. 223]. Наблюдения В. Н. Майнова стали значимым вкладом в доказательство такого явления в жизни мордвы, как использование условных знаков, изображений — идеограмм, несущих в себе устоявшийся замысел автора, при этом понятный в окружающем его обществе.

В 1899 г. вышла в свет монография А. Хейкеля «Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Mus-

ter der Mordwinen» («Мордовские костюмы и узоры»), снабженная уникальными рисунками многочисленных узоров мордовской вышивки, образцы которых были собраны им в совершенных вместе с М. Е. Евсевьевым экспедициях по мордовским селениям Симбирской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской губерний. Опыт изучения традиций и культуры мордовского народа, знакомство с этнографическими коллекциями музеев РАН, Русского географического общества, Этнографического музея Казанского университета позволили А. Хейкелю сделать важные выводы относительно эволюции техники шитья и форм орнамента. Ученый выделил два пути развития орнамента: 1) заимствование у других народов, в частности русского, при котором сохраняется техника шитья, принятая на исконной территории²; 2) наблюдение за природными и бытовыми объектами в поисках новых

Кучка. Центральная звездочка, вышитая на свадебном покрывале мордвы-мокши Ковылкинского района Республики Мордовия. Фрагмент. XIX — XX вв. МРМИИ им. С. Д. Эрзи

A bunch. The central starlet embroidered on the wedding veil of the Mordvins-Moksha, the Kovylkinsky District of the Republic of Mordovia. A fragment. XIX — XX centuries. Mordovian Republican Museum of Fine Arts named after S. D. Erzia

узоров вышивки, что наглядно демонстрируют многие их названия: «локшине» — «кнутик», «повонь пря» — «голова рябчика», «люкшке панчф» — «цветок гречи-хи», «марь сёрма» — «вышивка-яблоко»), «чудерькс» — «ручей», «кирмалав» — «репей» и др. [21, с. 24 — 25].

Необходимо отметить, что его материалы и подход к анализу знаков-узоров легли в основу множества исследований ученых XX — XXI вв., посвященных расшифровке семантики и интерпретации их функций внутри мотива и сюжета вышивки народной одежды мордвы, эволюции мордовского народного костюма, позволили наметить контуры этнокультурных связей финно-угорских народов (В. Н. Белицер, Т. А. Крюкова, В. Н. Мартыанов, Т. П. Прокина и др.).

² Исключением, по мнению А. Хейкеля, могли быть случаи возникновения особой техники или форм орнамента, которых нет в других местах, при условии отдаленности мордовских сел от других мордовских или чередовании с русскими.

Концептуально важную и до сих пор не до конца решенную проблему на пути к расшифровке клейм, тамг, тавр, мет и других знаков, распространенных среди финно-угорских народов, в том числе мордвы, поднял в своем исследовании Н. Н. Харузин [19]. С одной стороны, изучая знаки собственности мордвы XVI — XVII вв. по отказным книгам по Арзамасскому, Алатырскому, Нижегородскому и Тамбовскому уездам, он отмечал, что их «знамена» фактически использовались в качестве замены подписи человека. Интересно, что косвенное подтверждение использованию знамен (*родонь тешкс*) в качестве равноценного аналога фамилии встречается в полевых материалах, записанных у мордвы-эрзи с. Морга Дубенского района Республики Мордовия, входившего долгое время в состав Алатырского уезда. Здесь в поминальных книжках «вместо имен ставили знаки, по которым поминали, а потом стали писать имя, <...> на полях делали тешксы-метки, чтобы выделить свою территорию, <...> тешксы делали прямо в земле, не оставляли зарастать — пололи»³. Опираясь на единую графическую основу знамен, Н. Н. Харузин выдвинул гипотезу о том, что «в тех случаях, когда целая волость или большинство ее населения имело сходственные „знамена“, мы в праве предположить, что союз родственный не ограничивался одной деревней, а выходил значительно за пределы последней, охватывая несколько деревень и более обширную территорию» [19, с. 70], что наводит на мысль о возможном слиянии на определенном этапе функций семейно-родовых знаков со знаками собственности. С другой стороны, несмотря на достаточно широкое бытование подобных знаков к моменту публикации исследования, у его автора не было достоверной информации о путях их закрепления за мордовскими семьями, а порой и прямого подтверждения их принадлежности именно мордве [19, с. 65].

В 20-е гг. XX в. наблюдался всеобщий подъем интереса к орнаментам вышивки, который связан с развитием музейного дела и появлением краеведческого движения [9, с. 9]. При этом лишь немногие работы включают в себя попытку первого приближения к интерпретации семантики отдельных орнаментов или их групп. Так, в узорах головного убора, в которых были закреплены определенные смысловые координаты, встречаются орнаментальные мотивы, которые при ближайшем рассмотрении указывают на последовательность и построение некоей формы сюжета вышивки. В частности, это заметно по сохранившимся в музейных коллекциях головным уборам восточной группы мордвы-эрзи Ардатовского, Атяшевского, Большеберезниковского, Дубенского, Кочкуровского и Чамзинского районов Республики Мордовия. Однако

Женский головной убор мордвы-эрзи с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия. Фото И. В. Зубова. 2024 г.

The female headdress of the Mordovins-Erzya of the village of Kosogory, the Bolshebereznikovsky District of the Republic of Moravia. Photo by I. V. Zubov. 2024

их расшифровке не могли способствовать ни эволюция и стилизация орнамента, прежде всего растительного и животного, переходящего в геометрическую плоскость, ни плохо сохранившаяся «народная терминология, где мы встречаемся и со вторичным осмыслением узора, и даже утерей всякого названия» [15, с. 72]. Статья А. П. Ручьевой, основанная на полевом материале, собранном в 1926 — 1927 гг. у саратовской мордвы-эрзи, является первым подобного рода исследованием, где подробно анализируется вышивка женских головных уборов и дается представление об их развитии и трансформации. В ней приводится первичная классификация некоторых групп узоров, названия элементов которых происходят от животных и растительных форм, ставших впоследствии известными по названиям, зафиксированным у мордвы, проживавшей в том числе на территории современной Мордовии: «*нумал-пиле* («заячье ушко»), *гала-лапка* («гусиная лапка»), *нармунь-сельме* («птичий глазок»), *пель-сельме* («полглазка»); *умарнь* («яблочко»), *кирмалав-чашка* («репейник»)» [15, с. 71]. При этом автор акцентировала внимание на том, что формы узоров, их народная терминология к моменту изучения связывались часто именно со способом нанесения вышивки на ткань.

Большой интерес представляет исследование женского костюма мордвы-мокши, коллекции которого были собраны в пределах Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии в первой четверти XX в. Н. И. Спрыгиной [16]. В нем, как и в предыдущих работах, подтверждалось наличие определенных орнаментов, несших в себе зооморфную и орнитоморфную символику. В частности, проанализировав работу автора, можно четко выделить проекции качеств природных объектов, закрепленных в мифологическом сознании на человека, на форму и назва-

³ Личный архив Л. Н. Шамовой. Материал собран в с. Морга Дубенского района Республики Мордовия (информанты: Н. А. Вишнякова, 1930 г. р.; С. М. Арапова, 1934 г. р.; В. И. Фрончатова, 1967 г. р., запись 2013 г.).

ния растительного орнамента вышивки. Известно, что у мордвы некоторые деревья ассоциировались с чистым началом, им приписывались особые свойства. Так, дуб мог придать силу мальчикам, береза — красоту девочкам. Деревья или их части использовались при совершении специальных обрядовых действий, направленных на получение детьми или взрослыми здоровья, силы и т. д. На взаимосвязь с предохранительной магией в семантике растительного узора косвенно указывает практика ношения на шнурке рядом с крестом «...кусочка зашитого дерева, якобы „тума“ — дуба, предохраняющего от грома и молнии»⁴. Яблоня как священное, сакральное дерево является одним из воплощений центра мира, его ось:

Мастор чачнесь — койть чачнесь.	(«Земля родилась — обычай зародился.
Масторонть лангс мезе чачнесь?	На земле что родилось?
Чачнесь чувто, умарь чувто.	Родилось дерево, яблоня.
Масторонь перть корёнонзо,	По всей земле раскинулись ее корни,
Менелень перть тарадонзо.	По всему небу распростерлись ее ветви.
Тарад пева — цюцёвнензэ.	На концах ее веток — гроздь.
Цюцёвнетнень пева — мазый лопанзо,	На гроздьях — красивые листья,
Лопатнень алга — мазый умарензэ.	Под листьями — красивые яблоки.
Умартнень эйтэ ней меднеть петнить,	С яблок мед капает,
Чувтонть кувалма чудезьгак чудить ⁵	По дереву ручейком бежит»)

Орнаментальные сюжеты с изображением яблони часто встречаются в нижней части подола рубахи («яблони» — *марь, марь кувалма* отдаленно напоминают фигуры деревьев с плодами или ветвистые растения), а также на боковых полотнах и плечевой вышивке, где вышивальщицы располагали узор «пол-яблока».

Значительные сдвиги в разработке гипотез о смысле наполнении и функциях знаков в традиционной мордовской культуре в XX в. неуклонно актуализировали дальнейшее изучение проблемы знаковой системы, в частности в декоративно-прикладном творчестве. На орнамент одежды как маркер определенных и узнаваемых этнотерриториальных лакун традиционной культуры указывала Н. И. Гаген-Торн: «...на больших ярмарках в с. Рузаевке <...> Жители совершенно безошибочно указывали, из какой деревни любая женщина, узнавая это по головному убору, расцветке, расположению и характеру вышивки на ее одежде» [1, с. 17]. Отметим, что похожие данные, свидетельствующие о ранее использовавшейся знаковой символике в одежде, говорят и материалы экспедиций к мордве-эрзе. Так, в 2006 г., по воспоминаниям жителей с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия, «раньше по

вышивке на женской одежде могли узнать не только из какого села человек, но и к какому роду он принадлежит»⁶. Устойчивость знаковых форм орнамента мордовской одежды подтверждает мысль о том, что «семантически важные фигуры в меньшей степени подвергаются перспективной деформации» [18, с. 249] и продолжают нести смысловое значение, «считываемое» носителями традиционной культуры.

Накопленный материал позволил ученым Мордовии во второй половине XX в. говорить о мордовской орнаментике как о целостной системе, имеющей сложную разработанную терминологию, в которой закреплены символы окружающего мира. Так, Т. А. Крюкова, обратившая внимание на взаимосвязь мордовской одежды с обрядовой практикой [5], отмечала, что «мокшанские женщины свою сложную по колориту и орнаменту вышивку осмысливают большим количеством названий, где каждый элемент имеет свое обозначение, связанное нередко с животным и растительным миром, с природой. Здесь мы находим: „пацянят“ — крылышки, „куень пря“ — змеиная голова, „сывань кенчт“ — козы копыта, „марь“ — яблоко, „куздаратт“ — ветки елки, „шинем сюлма“ — след куницы, „шинь сюлмот“ — солнечные узелки, „тяште“ — звезда и т. п.» [6, с. 62]. Развивая тему знаков, в частности узоров вышивки как части единой системы, объединяющей различные виды искусства, она указала на аналогию с вышивкой в мотивах резного орнамента домов мордовских сел, в которых встречаются «...элементы вышитых узоров: „курзя“ — витая веревочка, „тяште“ — звезда, „сёрма алгат“ — вышитый подол» [6, с. 87].

Значимым достижением в разработке типологии узора мордовской вышивки в контексте ареалов ее распространения стала работа «Народная одежда мордвы» (1973) В. Н. Белицер. Обилие собранного материала позволило ей представить более четкое деление узоров на тематические группы: зооморфные, растительные и орнитоморфные, орнаменты, связанные с насекомыми и с названиями бытовых предметов. Исследователь указала и на пути заимствования ряда элементов: «Термины мордовской вышивки освещают среду, в которой они развивались, <...> а в некоторых случаях указывают на происхождение вышивки, заимствованной у другого народа, или на своеобразие вышивки у отдельных этнографических групп. Так, например, вышивка в виде волнистой линии, выпол-

⁴ НА НИИГН (Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). И-489. Л. 158.

⁵ Евсевьев М. Е. Избранные труды: в 5 т. Т. 1: Народные песни мордвы. Саранск, 1961. С. 205 — 206.

⁶ Личный архив Л. Н. Шамовой. Материал собран в с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия (запись 2006 г.).

ненная швом, напоминающим тамбур, в эрзянском селе Новые Турдаки называется „татаркс“ (по-татарски); в с. Мордовское Афонькино Черемшанского района Тат[арской] АССР один из узоров нагрудной вышивки на „руце“ называется „мишарокс пурдавокс“ (закрученный по-мишарски). Шитье крестом во многих мордовских деревнях считают русским, так же, как и шитье по перевити, которое называют „кружалат“» [2, с. 218 — 219]. Большой заслугой В. Н. Белицер стал подробный анализ техники вышивки, определение зависимости включенности мотивов в орнамент женского костюма по возрастному признаку, установление взаимосвязи «языка» сюжета орнамента с его структурными единицами — отдельными узорами, несколько сотен названий которых было зафиксировано в различных районах проживания мокши и эрзи. Такой детальный подход к проблеме семантики знака, его медиативных гносеологических свойств и широкая география проделанной работы позволили в дальнейшем говорить о том, что «в орнаментации вышивки с помощью особых композиционных сюжетов передавались космогонические представления, сведения о социальном статусе и родовой принадлежности человека» [20, с. 235].

Знаки мордвы, по наблюдениям историков второй половины XX в., имели определенное значение в имущественно-хозяйственных отношениях. Так, обобщая имевшиеся сведения о «метах» на полевых загонах мордвы, П. Д. Степанов говорил о том, что они регламентировали право собственности на посев. Кроме того, он выдвинул интересное предположение о том, что многочисленные известные ему меты на могильных крестах, зафиксированные в том числе в селах Сабанчево и Давыдово (ныне Кочкуровского района Республики Мордовия), имели связь со «знаменами», ставившимися мордвой на бортных деревьях в XVII — XVIII вв. [17, с. 196]. Изучив знаки на могильных крестах, имевшие одну графическую основу, с незначительным добавлением новых элементов, он частично подтвердил более ранние высказывания В. Н. Майнова о том, что они могли являться свидетельством их употребления в одной семье/роде, появившись в результате деления большой семьи. Использование сравнительного материала работы В. Н. Майнова и собственных данных позволило П. Д. Степанову выявить трансформацию в осмыслении мет в зависимости не только от их семейно-родовой принадлежности, но и от изменения употребления этих знаков в сельской общине и за ее пределами при решении различных хозяйственных и юридических вопросов.

Исследования знаковой системы мордвы, появившиеся в XXI в., выводят проблему расшифровки ее семантики на новый теоретический уровень. Эволюция символики, ее включенность в общий культурный код этноса стали объектом исследования В. И. Рогачёва [13; 14]. Ученым были изучены и впервые обобщены сведения о бытовании знаков мордвы-эрзи и мордвы-мокши в разных формах хозяйственной и общественной дея-

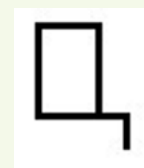
тельности. Разветвленность символических кодов традиционной культуры, имевших особое преломление в зависимости от конкретной сферы их применения, позволила В. И. Рогачёву предложить собственное видение структуры знаковой системы, в которой им выделены группы знаков собственности и семейно-родовые тешксы, внутри которых четко просматривается их деление по принципу функциональной основы и разнообразию форм. Обширный материал исследования открывает и перспективу дальнейшего изучения проблемы, поскольку множество вопросов, обозначенных в монографии, требуют уточнения. В частности, большой научный интерес представляли бы сравнительные исследования более близких друг к другу по географическому расположению населенных пунктов. Это дало бы возможность попытаться проследить видоизменение знаков, наносимых на ритуальные памятники в условиях языкового пограничья (русско-мордовского, мордовско-чувашского и т. д.), а также выявить трансформацию формы знака с учетом миграционных процессов и новых семейно-родственных связей. На эту мысль, в частности, наводят отдельные примеры тешксов, принадлежавших предположительно мордовской семье, встречавшихся на разных территориях. Так, знак семьи Бояркиных, зафиксированный в с. Черненове Сурского района Ульяновской области, не совпадает со знаком семьи Бояркиных из с. Сабанчево Атяшевского района Республики Мордовия.

Однако между знаками семей Бояркиных из с. Сабанчево Атяшевского района и с. Шугурова Большеберезниковского района, расположенных в пределах Республики Мордовия, наблюдается некоторое сходство графической основы.

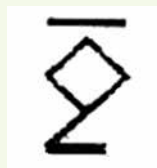
Знак семьи Бояркиных из с. Черненова

The sign of the Boyarkina family from the village of Chernenovo

Знак семьи Бояркиных из с. Сабанчево

The sign of the Boyarkina family from the village of Sabanchevo

Знак семьи Бояркиных из с. Шугурова

The sign of the Boyarkina family from the village of Shugurovo

(Рогачёв В. И. Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши). Саранск, 2003. С. 154, 121, 128)

(Rogachev V. I. Family signs of the peoples of the Volga region (using the example of the property signs of erzi and moksha). Saransk, 2003. pp. 154, 121, 128)

Разумеется, такие примеры еще не являются основой для сравнительных выводов и нуждаются в систематизации всего имеющегося материала. К тому же, как было сказано выше, для этого необходимо привлечь как минимум еще один параметр — родственные связи, которые, к сожалению, не всегда удавалось выявить даже в пределах одного населенного пункта.

Монография В. И. Рогачёва значительным образом повлияла на дальнейшую интерпретацию знаковой системы мордвы, позволила выдвинуть новые, более смелые гипотезы относительно их расшифровки в публикациях историков и этнографов. Так, появились статьи, где в орнаментальных мотивах мокши и эрзи просматриваются признаки символики календаря: «Среди мордовских парей есть такие, изображения на которых можно связать с двенадцатимесячным годовым циклом. Конечно же, предположения и аналогии о сходстве семантики символов орнамента древних нуждаются в дополнительной аргументации и в дальнейших исследованиях»⁷. Происходит поиск в знаковой системе общих для мордвы признаков, мировоззренческих установок, сходных с другими народами, которые могли влиять на мифологический нарратив в ее хозяйственной деятельности. В частности, выдвигается предположение о магическом предназначении знака «глаз», очень часто встречающегося среди мет мордвы, известных по обширному материалу книги Д. Ю. Пущечникова и А. Костяева [11]. Обратившись к проекции его символики на бортовые знамена, авторы сделали вывод о том, что «когда хозяин отсутствовал, со „знамени“ за происходящим следили „глаза“. Они в соответствии с магико-религиозными представлениями выполняли обереговую функцию, „сторожили“ собственность» [7, с. 137]. В сравнительных исследованиях семейно-родовых знаков мордовского и русского населения с опорой на общность графической основы зафиксированных знаков указывается на их восприятие именно как целостной знаковой системы [3].

Разумеется, в рамках одной статьи нельзя претендовать на всеохватность такой большой и интересной

темы, в проблемное поле которой входят также разнообразные знаки, относящиеся к счету, или антропоморфные символы, имеющие, например, локализацию в резьбе на бытовых предметах у мордвы-эрзи Нижегородской области и т. д. Все эти ответвления нуждаются в осмыслении в рамках отдельного исследования.

Краткий анализ приведенных работ показывает, что семантика знаковой системы мордвы проявилась в разных областях жизнедеятельности человека. Благодаря изысканиям в начале XXI в. она приобрела новые гносеологические очертания, стала включать символы различного типа, смыслового наполнения и функционального предназначения, выявленные в декоративно-прикладном искусстве, хозяйственной деятельности, имущественных отношениях, в обрядовой практике: от стилизованных изображений природы до геометрических форм знаков собственности и семейно-родовых (в некоторых случаях они дублируют друг друга, наглядно демонстрируют или отсылают сознание реципиента к определенному понятию, значению).

В связи со значительными изменениями в современном обществе, в частности нивелировании социальных практик, постепенно уходили и знания о тешках мордвы, размывались их семантические границы. Вероятно, этим объясняется множество не полностью подтвержденных гипотез в имеющихся на сегодняшний день публикациях. Представляется, что восстановление таких исследовательских пробелов, частичная реконструкция кодификационно-семиологической системы, изучение ее природы, предназначения, тенденций развития в различные исторические периоды возможно при глубоком погружении в современную культуру и быт мордвы. В этом смысле продуктивным станет организация экспедиции в населенные пункты Атяшевского, Большеберезниковского, Дубенского, Кочкуровского и Рузаевского муниципальных районов Республики Мордовия, где, согласно имеющимся научным публикациям, подобные знаки широко бытовали в прошлом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. 228 с.
2. «Забывтые» тексты полевых экспедиций В. Н. Белицер: в 2 ч. / редкол.: Г. А. Куршева (пред.) [и др.]; сост.: Т. Ю. Задкова, Т. И. Янгайкина. Саранск: НИИГН, 2023. Ч. 2. 300 с. URL: <http://niign.ru/knigi/beliczer-chast-2-dlya-sajta.pdf>
3. Кауркин Р. В. К вопросу о бытовании семейно-родовых знаков у русского и мордовского народов (по материалам этноконфессиональной экспедиции «Российская провинция») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 36 — 47.
4. Крюкова Т. А. Коллекция П. С. Палласа по народам Поволжья // Сборник Музея антропологии и этнографии / отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 139 — 159.

⁷ Лузгин А. С., Рогачёв В. И. Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы: учеб. пособие. Саранск, 2005. С. 62.

5. Крюкова Т. А. Женская рубаха «покай» и ее связь с праздником «Пивань кудо» у мордвы // Записки / НИИЯЛИЭ. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 1958. Вып. 19: История, археология, этнография. С. 218 — 230. URL: [http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/zapiski-niiyalie-istoriya,-arxeologiya,-etnografiya-\(vyip.-19\)](http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/zapiski-niiyalie-istoriya,-arxeologiya,-etnografiya-(vyip.-19))
6. Крюкова Т. А. Мордовское народное изобразительное искусство. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 212 с.
7. Лузгин А. С., Деникаева Е. А. К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье // Регионология. 2013. № 1 (82). С. 133 — 139.
8. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы / [2-е изд.]; редкол.: В. А. Юрчёнков (председатель) [и др.]; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. 296 с. URL: <http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/v.-n.-majnov.-ocherk-yuridicheskogo-byita-mordvyi>
9. Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 208 с.
10. Мордва Российской империи / сост. В. А. Юрчёнков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2014. 640 с.
11. Мордовский фронт в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII в.) / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия; сост. В. Д. Кочетков [и др.]. Саранск, 2017. 400 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordovskij-frontir-v-zerkale.pdf>
12. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи: в 3 ч. СПб.: Императ. акад. наук, 1773. Ч. 1. 786 с.
13. Рогачёв В. И. Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2003. 158 с.
14. Рогачёв В. И., Карабанова Н. В., Ивакаева А. Е. К истории возникновения и бытования семейно-родовых знаков народов России (На примере «сёрм» и «тешков» мордвы) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 4 (48). С. 126 — 139. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2018-%E2%84%96-4u.pdf>
15. Ручьева А. П. Анализ орнамента вышивок мордовского головного убора // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35. ч. 5. С. 65 — 77.
16. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: по материалам экспедиции 1925 г. Пенза: [б. и.], 1929. 46 с.
17. Степанов П. Д. Некоторые вопросы этнографии мордвы (к вопросу о мордовских знаменах) // Исследования по истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. С. 189 — 211. (Тр. / НИИЯЛИЭ; вып. 30). URL: [http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/issledovaniya-po-istorii,-etnografii-i-arxeologii-mordovskoj-assr-\(vyip.-30\)](http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/issledovaniya-po-istorii,-etnografii-i-arxeologii-mordovskoj-assr-(vyip.-30))
18. Успенский Б. А. К системе передачи изображения в русской иконописи // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 181: Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. С. 248 — 257.
19. Харузин Н. Н. Знамена мордвы в XVI — XVII вв. // Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900. С. 62 — 72.
20. Юрчёнкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации / НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2009. 412 с. URL: <http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mifologiya-mordovskogo-etnosa-genezis-i-transformaczii>
21. Heikel A. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordwinen. Helsingissä, 1899. 312 s.

Информация об авторах:

Игорь Васильевич Зубов, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), кандидат философских наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>, komoro@rambler.ru

Инна Николаевна Кудашкина, заведующий отделом этнографии Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея имени И. Д. Воронина (430005, Россия, г. Саранск, ул. Саранская, д. 2); аспирант отдела теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9584-5086>, innakudashkina@yandex.ru

Вклад авторов:

Зубов И. В. — разработка концепции, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Кудашкина И. Н. — сбор данных, редактирование переводов национального текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024; одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 04.05.2024.

Original article

ON THE ISSUE OF FORMATION OF THE SEMANTIC FIELD OF THE MORDOVIAN SIGN SYSTEM IN THE STUDIES OF THE XIX – XXI CENTURIES

I. V. Zubov¹ ✉, I. N. Kudashkina^{1, 2}

¹ Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

² Mordovian Republican United Museum of Local Lore
named after I. D. Voronin, Saransk, Russia

✉ komoro@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the evolution of understanding the codification-sign system of the Mordvins in the works of domestic and foreign scholars. The main approaches to the decryption and interpretation of graphic signs and ideograms — teshks, recorded in archival documents, common in decorative and applied arts, found on ritual monuments, individual household items belonging to the Mordovian family, used in its property relations are considered. The research material included published works of historians, cultural scientists, philosophers and ethnographers, as well as field expedition records. The conclusion is made about the influence of the mythological worldview on the functions of certain types of signs. Gaps in the study of signs and the sign system as a source of information about the traditional culture and way of life of the Mordvins are identified.

Keywords: symbol, sign, family and ancestral signs, property signs, system, decorative and applied arts, the Mordvins

Funding: the article was prepared with the support of the grant PFKI-24-1-009406 “Hieroglyphs of the Mordvins. Symbols of ancient writing system in ornaments and ancestral signs, linguistic features of the formation of images in the literary word and oral poetic heritage”.

For citation: Zubov IV, Kudashkina IN. On the issue of formation of the semantic field of the Mordovian sign system in the studies of the XIX — XXI centuries. *Center and Periphery*. 2024;19(2):43—52. EDN EWEMSN

REFERENCES

1. Gagen-Thorn NI. Women’s clothing of the peoples of the Volga region (materials for ethnogenesis). Cheboksary;1960. (In Russ.)
2. “Forgotten” texts of field expeditions of V. N. Belitser in 2 parts. Saransk;2023;2. URL: <http://niign.ru/knigi/beliczer-chast-2-dlya-sajta.pdf> (In Russ.)
3. Kaurkin RV. Notes on the issue of the use of family and tribal signs by Russians and Mordovians (based on the materials of the ethnographic expedition “Russian Province”). *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2016;(3):36—47. (In Russ.)
4. Kryukova TA. The collection of P. S. Pallas on the peoples of the Volga region. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Moscow;Leningrad;1949:139—159. (In Russ.)
5. Kryukova TA. Women’s shirt “pokai” and its connection with the holiday “Pivan kudo” of the Mordvins. *Notes. History, Archaeology, Ethnography*. Saransk;1958;(19):218—230. URL: [http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/zapiski-niiyalie-istoriya,-arxeologiya,-etnografiya-\(vyip.-19\)](http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/zapiski-niiyalie-istoriya,-arxeologiya,-etnografiya-(vyip.-19)) (In Russ.)
6. Kryukova TA. Mordovian folk art. Saransk;1968. (In Russ.)
7. Luzgin AS, Denikaeva EA. On the issue of the existence of Mordovian “banners” in the Middle Ages. *Regionology*. 2013;(1):133—139. (In Russ.)
8. Mainov VN. An essay on the legal life of the Mordvins. Saransk;2007. URL: <http://niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/v.-n.-majnov-ocherk-yuridicheskogo-byita-mordvyi> (In Russ.)
9. Maslova GS. Ornament of Russian folk embroidery as a historical and ethnographic source. Moscow;1978. (In Russ.)
10. The Mordvins of the Russian Empire. Saransk;2014. (In Russ.)
11. Mordovian frontier in the mirror of prikaz statistics (the first quarter of the XVII century). Saransk;2017. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordovskij-frontir-v-zerkale.pdf> (In Russ.)
12. Pallas PS. Travel through different provinces of the Russian Empire in 3 parts. St. Petersburg;1773;1. (In Russ.)

13. Rogachev VI. Family signs of the peoples of the Volga region (on the example of property signs of the Erzyans and the Mokshans). Saransk;2003. (In Russ.)
14. Rogachev VI, Karabanova NV, Ivakaeva AE. To the history of family and ancestral signs of the peoples of Russia origin and existence (On the example of “syorm” and “teshks” of the Mordvins). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2018;(4):126—139. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2018-%E2%84%96-4u.pdf> (In Russ.)
15. Ruchyeva AP. Analysis of the embroidery ornament of the Mordovian headdress. *Proceedings of the Lower Volga Regional Scientific Society of Local History*. Saratov;1928;35(5):65—77. (In Russ.)
16. Sprygina NI. Clothes of the Mordvins-Moksha of the Krasnoslobodsky and Bednodemyanovsky Uyezds of the Penza Governorate: based on the materials of the expedition of 1925. Penza;1929. (In Russ.)
17. Stepanov PD. Some questions of ethnography of the Mordvins (on the issue of Mordovian banners). *Research on the History, Ethnography and Archaeology of the Mordovian ASSR*. Saransk;1966;30:189—211. URL: [http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/issledovaniya-po-istorii,-etnografii-i-arxeologii-mordovskoj-assr-\(vyip.-30\)](http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/issledovaniya-po-istorii,-etnografii-i-arxeologii-mordovskoj-assr-(vyip.-30)) (In Russ.)
18. Uspensky BA. To the system of image transmission in Russian icon painting. *Scientific Notes of Tartu State University*. Tartu;1965;181:248—257. (In Russ.)
19. Kharuzin NN. Banners of the Mordvins in the XVI — XVII centuries. *Jubilee Collection in Honour of Vsevolod Fedorovich Miller, Published by His Students and Admirers*. Moscow;1900:62—72. (In Russ.)
20. Yurchenkova NG. Mythology of the Mordovian ethnos: genesis and transformations. Saransk;2009. URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/seriya-mordovskaya-mifologiya/mifologiya-mordovskogo-etnosa-genezis-i-transformaczii> (In Russ.)
21. Heikel A. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingissä;1899.

Information about the authors:

Igor V. Zubov, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Philosophical Sciences, Associated Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>, komoro@rambler.ru

Inna N. Kudashkina, Head of Department of Ethnography of the Mordovian Republican United Museum of Local Lore named after I. D. Voronin (2 Saranskaya Str., Saransk 430005, Russia); Postgraduate Student of Department of Theory and History Culture of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9584-5086>, innakudashkina@yandex.ru

Contribution of the authors:

Zubov I. V. — concept development, methodology development, data collection and literature analysis, writing the initial version of the article;

Kudashkina I. N. — data collection, editing of translations of the national text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

The article was submitted 12.04.2024; approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 04.05.2024.